



Наталья Журавлева
*Кладбище
Убитых
Надежд*

Заглянув за грань...

Наталья Журавлева
Кладбище Убитых Надежд.
Заглянув за грань...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31726815
ISBN 9785449058201*

Аннотация

«В одном чёрном-чёрном городе была чёрная-чёрная улица, на которой стоял чёрный-чёрный дом...» Помните страшилки-небылицы из детства, от которых мурашками покрывалась кожа, и хотелось спрятаться под одеяло с головой?...Детство давно позади, а тяга к непознанному, таинственному и страшному осталась. Взрослые тоже не прочь порой пощекотать себе нервишки! Надеюсь, что в этой книге каждый найдёт историю по своему вкусу. Волнующего вам чтения!Ваша Наталья.

Содержание

Убить младенца	5
Видение	7
Гостья	14
Возвращение	17
Горбунок	19
Чёрный гость	24
Дай мне руку...	28
Да будет свет	30
Петербургский ангел	32
С Маргаритой	36
Падение	38
с Планеты Огненных Коней...	40
Брела заблудшая душа...	46
Мне снится сон...	50
Полёт души	53
Такси «Ангел»	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Кладбище Убитых Надежд Заглянув за грань...

Наталия Журавлева

Обложка – фотография фотохудожника Бориса Вахмистрова.

Иллюстрации из интернета – с любой лицензией. Сердечно благодарю их авторов!

Контакты для связи с автором:

+7-921-333-59-93

333tasha@mail.ru

© Наталия Журавлева, 2018

ISBN 978-5-4490-5820-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Убить младенца



Над колыбелью молча я стоял.
Рука не поднималась на младенца.
Я к этому так долго шёл, так ждал,
Но жалостью наполнилось вдруг сердце.

Его я ненавижу с юных лет!
Размером с мячик детская головка...
Я умершим давал святой обет!
Подушечка... На ней лежать неловко...

Прорвался я сквозь годы и века,
И от него обязан мир избавить!
И к изголовью тянется рука,

Но не убить – подушечку поправить...

Невинный перед Богом и людьми,
Он мирно спал.

Мне боль терзала душу.

Убить я должен! Должен, чёрт возьми!
Я дал обет! И я его нарушил...

Всё рассчитал, продумал и – успел!

Но я же ненавидел не младенца...

А Гитлер новорожденный сопел,
И жалостью переполнялось сердце.

24.05.2011

Видение



Это было.

Полуявь, а может, полудрёма,
Полусон, а может, полутранс.
Дома я. И всё же я вне дома.
Вижу я десятки разных глаз.
Вижу я расплывчатые лица,

Вперемешку сумерки и свет.
Рыжей тенью носится лисица,
Жирный карлик скалится мне вслед.
Я бреду не по своей дороге,
И одежды не мои на мне...
Не своим путём – тропою многих
Я шагаю в странном полусне.
Жарко. Пот. Разлапистая ёлка.
Отдохнуть бы мне, хотя б часок...

...Джинсы, кепка и моя футболка.
И тропинка. И родной лесок.
Почему-то я не удивилась
Переменам этим ни на миг:
Так моя дорога мне открылась,
Словно чистой истины родник.
Я пошла среди берёзок белых,
Впереди – высокая изба.
Открывала дверь в неё я смело:
Там ждала меня моя Судьба.
А в сенях избы бадья стояла —
Ключевая, чистая вода.
Чудится, я здесь уже бывала.
Может быть, жила я здесь всегда?
От воды мне зубы заломило.
Знаю, только так её и пьют!

А потом в избу я дверь открыла
И вошла в натопленный уют.

Хлеба запах. Печка. Занавеска.
Сквознячок её заколыхал...
Я заволновалась, как невеста,
Словно мой жених меня здесь ждал.
Тихо так. А сердце замирает.
Наполняет душу тёплый свет.
Ветер занавескою играет,
Я за нею вижу силуэт.
Девушка. Обычная, простая:
Сарафан и русая коса.
Только я откуда-то их знаю —
Цвета неба добрые глаза.
Хорошо мне от улыбки светлой,
И в её любви купаюсь я.
Чудо узнавания всё крепло:
Это – ангел. Бабушка моя.
– Милая моя, ну что же,
здравствуй! —
Протянула руку мне она.
И её глаза лучились счастьем,
Потому что я – была нужна!

Ощутила я прохладу кожи

И тепло ладони молодой.
Бабушка... Совсем и непохоже...
Ангел света. И хранитель мой.
– Милая, ну что же ты? – спросила,
И улыбка излучала свет.
– Почему зовёшь меня ты милой? —
Только и могла сказать в ответ.
– Милая... Все люди в мире – мίлы,
Все достойны света и тепла.
Но от нелюбви они бескрылы.
И меня за плечи обняла.
И пропали стены вдруг и крыша,
Засинело небо надо мной.
Поднимались с ангелом всё выше,
Но без белых крыльев за спиной.
И земля под нашими ногами
Стала таять в сумрачной дали.
Облака летели вместе с нами,
А потом исчезли и они.

Я была – в квартире, на диване.

Я была – в сиянье вышинь.

Я была – в клубящемся тумане,

Наблюдала всё со стороны.

Ярко-синий мир, залитый светом:

Только синева и дивный свет,
И любовь безбрежная при этом —
То, чему в миру названья нет.
И горели щёки, а запястья
Сотрясал безумный, жаркий пульс.
Задыхаясь, плакала от счастья,
Умирала от восторга – пусть!

*Плакала – на мягкости дивана.
Плакала – парила в вышине.
Плакала – смотрела из тумана.
Все три «я» принадлежали мне.*

Всё исчезло: дом, друзья, работа,
Мама, муж... Неважен даже сын.
Лишь любовь и свет – в Эдем ворота!
Но дарован мне был миг один.
О, как умоляла я остаться
В этом чуде истинной любви!
Но пришлось на землю возвращаться,
Чтобы оплатить долги свои.
Мы спустились медленно обратно.
Появились снова облака.
И взмахнули два крыла внезапно
Белого, как сахар, голубка.
Перед нами он играл крылами,

В клюве – яркой зелени росток.
И на землю опускался с нами
Белокрылый лёгкий голубок.

В голове стучало мелкой дробью:
– Задавай вопросы, не молчи!
– Вот... Живот болит! Измучил болью...
– Ты его рукою полечи.

Наложи на боль свою ты руку,
Попроси здоровья от души.
...Наверху не слышалось ни звука.

На земле гудел поток машин...
Я, внизу, измучившись порядком,
Приложила руку к животу
И вздохнула с облегченьем сладко:
Боль ушла, как звуки в пустоту.
Наверху глотала я рыданья:

– Я не знаю, как теперь мне быть?
Как мне жить?! Ответ же на прощанье!
– Жить по правде. Господа любить.

Полутранс, а может, полудрёма,
Полусон, а может, полуявь...
Но теперь была я только дома,
Все три «я» свои в одно собрав.

Было так. Я помню все детали,
Хоть прошло уже немало лет:
Под ногами – сумрачные дали,
Наверху – любви бескрайней свет.

18.11.2011

Гостья



– Ну, что стоишь, костлявая? Входи.
Поставь косу, садись к огню поближе.
У, как хрипит и булькает в груди!
Сдаётся мне, зимой сосульки лижешь?

Ах, скверно, скверно... Больно ты тоща!
Одета бедно, по́лы нараспашку...
Эх, жаль, мы не оставили борща!
Да ничего, найдём бульона чашку.

Чего глазеешь? Встать мне помоги.
Уж извини, не звать же в ночь прислугу!
А мне одной на кухне не с руки.
Придётся нам с тобой помочь друг другу...

Ох, рубище! Знать, с нищего плеча?
Что, плохо в вашем ведомстве с одежкой?
Держи бульон-то... Чашка горяча!
Не обожгись, хлебай-ка лучше ложкой.

А хочешь, водки я плесну глоток?
Пользительно от хвори, за обедом.
Гляди, уснула! Ну, поспи чуток...
Давай-ка я тебя прикрою пледом.

Умаялась... Пора бы на покой:
Исхожены, поди, уж все дороги!
А пыжится! Ходила бы с клюкой —
Глядишь, и меньше б к ночи ныли ноги...

Нет, эти бесконечные дела
Её угробят, вы уж мне поверьте!

Кряхтя и охая, старуха плед взяла
И бережно укрыла плечи Смерти.

11.01.2014

Возвращение



И умер он. И вверх метнулась птицей
Его душа, свободу ощутив.
Растаяли события и лица,
И зазвучал торжественный мотив.

Далёкий, становился он всё ближе,
Надломленный, как первый взмах крыла,
Глухой, как шум дождя по ветхой крыше,
Но с ясной нотой света и тепла.

Пространство чистой музыкой наполнив,
Потоками восторженно лились,
Накатывались звуки, словно волны...
Душа неслась на этих волнах ввысь.

И трепетной, звенящею струною
Натягивалась тонкой нити связь
Души свободной с пристанью земною,
Дрожала, умолкала – не рвалась!

А fuga сфер влекла всё выше, выше —
К сверкающим, отверзнутым вратам,
И зов Земли душе уже не слышен:
Её ничто не держит больше там.

Прошли судьбой отпущенные сроки:
Земная жизнь – космический каприз.
Остались недописанные строки!..
Душа летела жарким камнем вниз.

...Отчаялись врачи спасти младенца:
Он слишком рано поспешил на свет...
Душа вселилась в крохотное тельце.
Открыл глаза вернувшийся поэт.

01.11.2012

Горбунок

Кобылка пегая под старость
На свет произвела конька.
И смерть её была легка,
А я с жеребчиком осталась.
В хлеву, где кровью пахло пряно,
Дрожал он, как осенний лист,
И жалок был, и неказист,
Придя ко мне из сказки прямо:
Кривая спинка, хвост колечком —
Тебя я помню, Горбунок...
И слабый жизни огонёк
Теперь горел в избе, под печкой.

Соседка плюнула брезгливо:
«Отродье бесово! Урод!»
И свой хулу исторгший рот
Перекрестила торопливо.
Целуя бархатный носишко,
Я утешала: «Не беда!
Поверь, что это ерунда!
Ну не читает баба книжки!»
А он в ответ прыдал ушами,
Губами соску теребил

И молочко, стараясь, пил,
И льнул ко мне, как чадо к маме...

Прошла зима темно, тягуче,
Окреп заметно мой конёк.
Вспушились гривка и хвосток,
Но в остальном не стал он лучше:
И ножки тонкие, худые,
И острым горбиком спина...
Меж тем уже пришла весна.
Всходили травы молодые:
Пролил тепло в поля и доли
Животворящий солнца блеск,
И был разбужен сонный лес
Пичужек щебетом весёлым.
Впервые в жизни мой худышка
Запрыгал резво по лужку
И тут же к новому дружку
Слетелись с визгом ребяташки.

Тянули тёплые ладошки,
И горб восторгу не мешал:
Конёк сродни был малышам.
Он осторожно хлеба крошки
С руки брал мягкими губами,
Носился вихрем, озорной —

Казалось, хвастал предо мной
Своими первыми друзьями.

Крестились бабы – вот народец! —
Пролив притворную слезу:
«Пусти его на колбасу!
Зачем тебе такой уродец?!
Уж больно страшен твой коняшка,
И сразу видно: не жилец!
Чего оттягивать конец?
Издохнет попусту, бедняжка!»
Но он сдыхать не собирался
Всем предсказаньям вопреки:
Резвился в поле, у реки,
И самым лучшим мне казался.

Так рос конёк, забот не зная,
И крепла между нами связь...
И вот уже подобралась
К порогу осень золотая.
Гордился лес убранством пёстрым,
Стал воздух свеж, темней река,
А взгляд горбатого конька
Все чаще был прикован к звёздам...

Той ночью звёздное сиянье

В сто крат усилила луна.
И я смотрела из окна,
Недвижно, затаив дыханье,
Как снова бархатные выси
Молил о чём-то Горбунок...
Он к звёздам полететь не мог!

Свои безрадостные мысли
Забыла в то же я мгновенье:
Вершилось что-то за окном...
Казалось, был объят огнём
Конёк! И ровное свеченье
Вдруг озарило двор безлюдный,
И было ясно видно мне,
Как лопнул горбик на спине,
Расправил крылья сильный, чудный,
Прекрасный конь, как снега, белый,
И грива длинная – огонь!

В слезах следила я, как конь
Взлетел над миром – гордый, смелый...
И скоро скрылся он из вида
В дали бездонной, в тьме ночной.
Легко расстался он со мной!
И горько сердце жгла обида...

Мой конь вернулся в полнолуние,
И при сияющей луне
Свои крыла подставил мне.

И я с тех пор слышу колдуньей...

09.01.2015

Чёрный гость



«Ты вечером закрой плотнее ставни:
Нечистая шалит ночами сила!
Она уж многих слабых искусила, —
Учил меня уму седой наставник. —

Ты слышала о страшном чёрном госте?
Его шаги звучат во мраке гулко,
Пугает он живых ночной прогулкой,
А днём считает жертвы на погосте.

Но если он свои поднимет веки,
Холодным на тебя посмотрит взглядом,
То душу навсегда отравит ядом
И заберёт тебя в свой мир навеки.

Не слышала, дитя, об этом? Странно...
Я расскажу». В руках дрожали чётки.
Раздался бой часов звеняще-чёткий...
Он говорил и складно, и пространно,

Но страх и непокой его снедали.
Душа тряслась, как робкая овечка,
У бедного простого человечка,
Перед собой увидевшего дали,

Смешавшие соблазны и угрозы:

Там дождь – солёный, а у моря душно,
Порок живёт под маской благодушной,
Важней цветка шипы для чёрной розы.

Там холмы поросли дремучей елью,
И росы в полдень падают на травы,
А кубки полны сладостной отравы,
И служат косы мёртвых дев постелью.

Со всех грехов там сорваны засовы,
Бегут потоки с похотью и скверной,
И властелину служат службой верной
Суккубы, духи, грешники и совы.

Там неизвестно слово «человечность»,
Гоморра и Содом в основе мира.
И по велению чёрного кумира
Там на часах одно лишь время – вечность».

И я кивала, всё об этом зная...
Мне сердце растревожили виденья:
Уже давно по воле провиденья
Я двух миров послушная связная.

Туманя мозг словесной филигранью,

Я, на инстинктах низменных играя,
Веду к чертогам проклятого рая...
Пошёл за мной – и ты уже за гранью...

О мирре ты забудешь и елее,
Запретного вкусив со мною плода!
Порвались чётки... Стуком бусин – ода
Проснувшемуся гостю...
Будь смелее!

27.08.2013

Дай мне руку...



«Дай мне руку, дитя. Мы с тобою пойдём
Вслед за тёплым танцующим ветром.
Серый мир зацветёт под весёлым дождём,
Счёт не будем вести километрам!

Счёт не будем вести промелькнувшим годам:
Все – с тобой, до единой минуты.
Страх и боль прогоню, им тебя не отдам,
Разобью их оковы и путы.

Осушу твои слёзы с морщинистых щёк —
Старость больше не будет помехой!
Дай мне руку, дитя: нынче вышел твой срок.
Жизнь земная останется вехой —

Светлой вехой на новом и долгом пути,
Что тебе уготован с любовью.
Все обиды забудь и смиренно прости», —
Смерть приникла к его изголовью.

За окном занимался прощальный рассвет,
Петушиным разбуженный криком...
И без малого сто трудно прожитых лет
Показались душе просто мигом.

03.06.2016

Да будет свет

Он был невыносимо одинок.
Неслись куда-то мёртвые планеты,
Века роились мухами у ног,
И щёлкали призывно кастаньеты.

Тревожный и азартный, этот звук
То замирал, то вдруг взрывался дробью:
Хотел сказать о чём-то звонкий стук...
И горизонт алел, светился кровью:

Горел закат. Не в этой чёрной тьме,
А там, где море солнцем осиянно:
В его неспящем, страждущем уме
Видения теснились постоянно...

Он был никем среди холодной тьмы —
Никем, ничем и всем одновременно:
Во мгле и стуже ядерной зимы
Он был один во всех мирах Вселенной.

Он был один – и слышал чей-то смех,
Смотрел во мглу – а видел ночь и вишни,
Лучи восхода, мягкий тёплый снег,

И кастаньеты били в ритме жизни.

То не был сон: сын вечности не спал.

Не пил, не ел, но – был.

И был бессмертным.

В его мозгу вскипал видений шквал

И делал чёрный холод незаметным.

Картины шли во мраке чередой:

Он видел танец рук, его зовущих,

И страшный гриб над алою водой,

И смерть свою, и гибель всех живущих.

И кастаньеты... Много тысяч лет

Они стучали, звали к пробуждению.

Он улыбнулся вечному мгновению,

Вздыхнул и произнёс: «Да будет свет!»

08.08.2015

Петербургский ангел



Она не задыхалась от любви:
Ей просто не дышалось без него...
Предмайский дождь по стёклам тупо бил,
Ходили хмуро тучи над Невой.

Тускнел над Петропавловкой рассвет.
Исчез в тумане ангел* золотой:
Вознёсся ль ввысь, где был потерян след,
Иль замер над могильною плитой?

Тащился день под стоны сизарей,

Танцующих среди прозрачных луж,
А в ней остались тьма всех декабрей
И лютый холод всех январских стуж.

Заманчивым казалось умереть:
Логичный в бездну с крыши сделать шаг
Иль бритвой – по течению вен – стереть
Апрельских дней парадоксальный мрак.

Тягуче перетёк постылый день
В слепую ночь, когда рассудок спит,
Но радостно витает смерти тень,
И страх греха страданием убит.

Пустая жизнь – прелюдия ко сну:
Глубок и сладок будет вечный сон...
Но вдруг, нездешним светом озарён,
Ей ангел золотым крылом блеснул:

Свинцовый пресс тяжелых облаков
Легко луча проткнуло остриё...
Освободившись от ночных оков,
Смотрел со шпилья ангел на неё.

Да, на неё! Склонив свою главу,
От неба отведя пречистый взор,

Он с купола собора наяву
Смотрел в глаза потухшие в упор.

И стало горько, стыдно и светло...

Всё так же мокли невские мосты,
Дрожали в парках мокрые кусты,
Но злое наваждение ушло,
И улыбался ангел с высоты.

* Согласно легенде, Петр I хотел поставить на самой высокой точке города именно ангела, чтобы он охранял Петербург от всевозможных бед и напастей.

Первая фигура ангела-хранителя Санкт-Петербурга на шпиле Петропавловского собора была выполнена голландским мастером Г. ван Болесом в 1720-х годах. После пожара 1756 года она была восстановлена по рисункам Д. Трезини. В 1858 году, во время замены деревянных конструкций шпиля на стальные, фигура ангела была снята. Вместо неё установили третью фигуру, выполненную по рисунку скульптора Р. К. Залемана. В 1991 году ангел несколько лет провёл в реставрационных мастерских, где его отремонтировали и заново позолотили. Лишь в 1995 году фигура ангела с помощью вертолета была поднята к вершине шпиля.

Высота фигуры составляет 3,48 м; размах крыльев ангела – 3,56 м. Высота креста – 6,5 м. Вес ангела с крестом

250 кг.

04.12.2015

С Маргаритой



Подбой плаща – пронзительно-кровав,
А жёлтые цветы – пароль тревоги...
Отчаянье в глазах того, кто прав:
Над ним судья – не Бог, а служба строгий.

А суд людей безжалостно-суров,
И смерть несёт покой тому, кто предан.
Из раны от копья струится кровь...

Придёт ли новый мир за старым следом?

Мертва надежда, рукопись – в огне,
Повержен в прах несущий людям слово.
Я вижу, как в распахнутом окне,
Нагая Маргарита машет мне,
И я за ней последовать готова.

Летим туда сквозь пыль седых времён,
Где тьма и вера слиты воедино,
Где полнолунным балом правит – он,
Любовью вечной Мастер возвращён,
И ждёт финала свита господина.

Взрывает мозг безумный лунный свет...
Палач с тоскливым и молящим взглядом
Обрёл прощенье. Но забвенья нет,
А есть дорога в небо с жертвой рядом.

Я книгу закрываю... Но опять,
Как только начинается ночь сиять,
Беру из банки крем, густой и жирный,
И вижу, как моя седая прядь
Вдруг в локон завивается пружинный...

09.04.2016

Падение



Ломались крылья. Ангел падал —
Низвергнут, сброшен.
Рыдал незримый кто-то рядом,
Всё горше, горше...
О чёрной, жаркой преисподней
Молил несчастный,
Пытаясь гнев смягчить Господний —
Взывал напрасно!
Движеньем гневным Божьей длани
На землю послан:
Как смертный, будет жить до грани!

И даже – после...
Ломались крылья. Кровь адела,
Как кровь бескрылых,
И, как людская, то кипела,
То стыла в жилах.
Ему идти земной дорогой,
Страшнее вечной:
Просить осмелился он Бога
Быть человечней...

03.08.2013

с Планеты Огненных Коней...



Орбиты были близкими раз в год.
Когда зелёный луч горел в пространстве,
Глубинный открывался переход,
И властно дул межзвёздный ветер
странствий.

Тогда всходил над миром синий шар —
Далёкая, желанная планета,
И в грёзах каждый, молод или стар,
Стремился к ней, влекомый звёздным
ветром.

«Там воздух чище и сочней трава», —
Об этом громко, вслух не говорили,
Но пламенно кружилась голова,
Мучительно полёта ждали крылья.

Бродила кровь, как спелое вино,
К себе манила синяя планета...
Увы! Давным-давно запрещено
Туда летать и говорить об этом!

«Там воды слаще, рощи зеленей», —
Вздыхая, очевидцы утверждали.
Гнедой с Планеты Огненных Коней
Не отрываясь, всматривался в дали...

«Страх стариков и жалок, и смешон:
У старости дерзанья под запретом!
А для меня мой звёздный час пришёл!»
Зелёный луч унёс его с рассветом.

Стремительным и жутким был полёт:
Холодного огня крутились вихри,
И сковывал движенья страха лёд,
И песни звёзд во тьме печально тихли...
Раскаяние позднее в груди,
Желание немедленно проснуться!..

И вдруг – простор и солнце впереди!
Внизу – озёр серебряные блюдца,
В лугах сверкает ниточка реки,
И зелень леса – ярче изумруда.
И крылья упоительно легки!
Он смог! Он здесь!
Его свершилось Чудо!

И крылья долу опустил Гнедой:
Не сразу смог управиться с дрожаньем,
Но, полный буйной силы молодой,
Планету огласил он звонким ржаньем!

И замер, чутко уши наострив:
Ах, что там?.. Что?!
Должно быть, показалось —
Услышал он ответ на свой порыв...
Всему виной коварная усталость!

Но нет же, нет! Вот снова он звучит!
И конь заржал восторженно-игриво,
И сыпался огонь из-под копыт,
Сверкающим огнём горела грива.

Кипела кровь, и бешеным был скач.
Зов не смолкал, и сердце билось рьяно.
Скакал Гнедой – прекрасен и горяч,
А травы пахли сладостно и пряно.

Дышала грудь свободно и легко,
Забыл взлететь он, счастьем окрылённый!
А страстный зов уже недалеко!
Ещё рывок – и встал, ошеломлённый:

Отвесно с кручи падала река
И с шумом распадалась на осколки,
Летела пена хлопьями, легка,
И у Гнедого дрожь пошла по холке.

Вода казалась колко-ледяной,
Сторадужным огнем горели струи...
Но от иного дрожь пошла волной
По шее, никогда не знавшей сбруи.

На берегу, среди цветов и брызг,

Стояла гордо лошадь белой масти.
Она разбила сердце сразу, вдрызг,
И душу разделила на две части.

Белее самых белых облаков,
В потоке ослепительного света...
Не мог сравнить он с белизной снегов:
В его краю всегда царило лето.

Но знал он цвет блестящих птичьих крыл,
Цвет лилии на чёрной водной глади...
Гнедой уже её боготворил
И был готов тонуть в бездонном взгляде.

Они носились вихрем по лугам,
Купались в водах медленных, сусальных.
Любовь их возносила к облакам
Поила счастьем из озёр хрустальных.

И пахли травы мятой, мёдом в зной,
И царствовала сладко в мире нега...
Они бродили ночью под луной,
Огромной, торжествующей – в полнеба!

И был не нужен, как беда, восход:
С лучом зари пришла пора расстаться...

Ещё открыт мерцающий проход!

Ему пора!..

Но он решил остаться.

Всего на год!

Но в счастье, рядом с ней!

Не знал Гнедой, любовью в сердце ранен,

Что год Планеты Огненных Коней

Трёмстам земным годам коротким равен...

19.01.2014

Брела заблудшая душа...



Брела заблудшая душа

Не в райских кущах, не в чертогах,
Не в преисподней, где дышал
Властитель Тьмы, предавший Бога —
В пустыне, мёртвой, как Луна,
Она себя вдруг ощутила,
В пространстве, где она — одна,
Где нет ни неба, ни светила,
Лишь чёрен и горяч песок...

Томили странные виденья:
Малины полный тусок,
Палач, просивший снисхожденья
У жертв, пришедших не во сне,
А просто ставших с ним едино,
И лики скорбные в огне,
И снова — сочная малина...

Брела нагая и без крыл,
Искала путь из мрака к свету,
Но кто —то вдруг надёжно скрыл
В лиловой тьме дорогу эту.
И ей почудилось: она
Идёт ещё земной тропею,
И жизнь по —прежнему полна
Вознёй убогой и слепею,
Борьбой за лакомый кусок,

За хруст купюр, за призрак славы...

Но ягод полный туесок
И храм на горке златоглавый
Сияли тихо перед ней
Сквозь толщу лет и расстоянья,
И всё сильнее и сильней
Терзала жажда покаянья.

Брела – во сне ли, наяву,
Земной дорогой иль за гранью —
Её держало на плаву
Не милосердное сознание,
Не луч надежды впереди
На чьё-то доброе прощенье —
Она шагала по пути
Любви и самоотреченья.

А путь был труден и далёк,
Она терпела жар и стужу,
И вёл страдающую душу
Вдали дрожавший огонёк,
Мерцавший звёздочкой во мгле —
Маяк, ведущий к искупленью...

Брела по спёкшейся земле

Душа заблудшая к спасенью.

10.07.2015

Мне снится сон...



Мне снится сон.

Я на другой планете.

Мне мой любимый подарил её.

Здесь круглый год тепло,

и солнце светит,

Цветут сады, и счастливо зверьё.

Здесь жители приветливы, красивые,

Улыбчивы и вежливы всегда.

И нет несчастных, злобных и спесивых,

Как нет понятий «горе» и «беда».

Мой друг – король,

И здесь – его обитель.

Он в мире этом царствует один.
Мне снится сон.
И он – мой повелитель,
Моей души и сердца господин.
Мне хорошо: люблю я и любима,
И сладостней не ведаю оков.
Моя любовь к нему неизмерима,
Его любовь ко мне... Его любовь?..

Мне снится сон.
И птичьих трелей звуки
И слух, и душу услаждают мне.
К любимому протягиваю руки
В моём прекрасном и волшебном сне.
В его глазах я жду увидеть ласку,
Хочу в любовь поверить до конца.
Но вижу вдруг раскрашенную маску
На месте драгоценного лица.
Застывшая, холодная улыбка,
Две бездны вместо мной любимых глаз.
Мне снится сон!
Видение! Ошибка!
Неправда! Всё изменится сейчас!

Со смехом маску он с лица снимает,
И страх идёт волною ледяной:

Вторая маска первую сменяет,
За ней ещё, ещё... Передо мной
Мелькают чувств и выражений слепки:
Восторг, печаль, приветливость, любовь...
А дыры вместо глаз бездонно-слепы,
И завыванье ветра – вместо слов.

И я молю его остановиться,
Пока дрожит реальности черта.
Но падают искусственные лица,
И за последней маской – пустота...

Мне снится сон.
Бумажные деревья.
В одеждах чёрных сгорбленный народ.
Во взглядах – злоба, страх и недоверье,
И в мрачных тучах низкий небосвод.

Я задыхаюсь. Душно в мире тёмном!
Хочу вернуться в мой уютный дом!
И... просыпаюсь в мире тепло-сонном.

...Любимый мой остался в мире том.

31.01.2012

Полёт души

Покинула душа неслышно тело,
На оболочку посмотрев извне.
А оболочка страстно жить хотела:
Недожила, недолюбила, не...
Что телу – смерть, душе – освобожденье,
Покинула она своё гнездо.
А мозг в агонии рождал виденья:
Он недожил, недолюбил, недо...

И посылал отчаянно сигналы
Душе, его покинувшей, во след,
О том, что жизни было мало, мало!
И угасал...
И загорался свет,
Манящий душу властно и спокойно.
А зов с Земли был горестно-силён,
И было телу в миг последний больно,
И с губ слетал последний, тяжкий стон.

А зов летел, минуя все преграды,
И это был другой – не тела – зов:
Звала назад оставшаяся рядом
Покинутая, горькая любовь.

И был тот зов сильней души полёта,
Сильнее смерти беспощадных рук!

Мгновения обратного отсчёта...
Неуловимый вдох... и сердца стук...

20.02.2012

Такси «Ангел»



Мальчишка шустрый раздавал визитки
Спешащим людям возле перекрёстка.
Он действовал уверенно и прытко.
Я улыбнулась, глядя на подростка:
Наоборот надетая бейсболка,
Курносый нос и розовые щёчки,
Он тараторил весело и бойко:
«Не упустите! Суперскидки – ночью!»
На что дают ночами суперскидку?!
Эх, любопытство разума сильнее!
Во внутренний карман сую визитку —
Попозже ознакомлюсь дома с нею.
Мальчишке подмигнула, улыбнулась:

Ему приятно, ну, а мне – несложно.
Пошла. И почему-то оглянулась.
Он вслед смотрел серьёзно и тревожно.
Потом я долго, злясь, ждала маршрутку,
И мне уже не до мальчишки было.
А поутру, сменив пальто на куртку,
Про случай тот я напрочь позабыла.

И вот однажды... Был осенний вечер.
В гостях я засиделась у подруги.
Пора домой, но дождь – стеной, а ветер
В кошачий визг срывался от натуги.
И мне – туда... На каблуках, в пальтишке...
По лужам... на трамвай... через дорогу...
Да коньячок...

«Послушай, это слишком!
Такой потоп! Бери такси, ей-богу!
Куда погрёшься на трамвай так поздно?
Не заслужила ты такси... ик!.. будто!» —
Втолковывала, морща лоб, серьёзно,
Моя слегка нетрезвая Анюта.

Такси—конечно! Только... *money-money*...
Боюсь, что для меня дороговато...
И вдруг нашла во внутреннем кармане
Визитку, там забытую когда-то.

«Нет, надо же! Такси! Смотри, как славно:
Такси с названием «Ангел»! Скидки ночью...
Архангел в этом таксопарке – главный,
А за рулём – весь в белом – ангелочек?!»
Хихикая, с подругой я шутила,
Мобильный крепко прижимая к уху.
А за окном вдруг небо осветилось,
И рыкнул гром раскатисто и глухо.
«Приехали! Ещё гроза до кучи!»
Моя подруга вздрогнула от страха.
«По-моему, тебе остаться лучше.
Давай, звони, снимай заказ, Натаха!»
Но голос в трубке, нежный и приятный,
Проворковал: «Машина у подъезда!»
Ну, не идти теперь же на попятный!
Ай, доберёмся как-нибудь до места.

Гроза, однако, злилась не на шутку...
Осенняя гроза – на удивленье!
С трудом без молний уловив минутку,
Я выскочила в светопреставленье.
Меня ждала длиннющая машина!
От изумленья хлопая глазами,
Я шла к открытой двери лимузина,
Ручьёв и луж не видя под ногами.
В сухом тепле звучала тихо песня,

Урчал мотор, и пахло апельсином.
Откинувшись в удобном мягком кресле,
Смирилась я с огромным лимузином.
Опять сверкнула молния во мраке,
А грохот грома вызвал дрожь невольню.
Водитель – Мать Божья! – в белом фраке!
Нахмурил брови очень недовольно.
Рукой откинул вьющиеся пряди,
Меня окинул ярко-синим взором:
«Ну, и зачем Вам ехать на ночь глядя?» —
Он мелодично мне сказал с укором.
От удивленья потеряв дар речи,
Молчала я, соображая плохо.
Тут за спиной раздалось: «Эй, полегче!
Она сама нас вызвала, дурёха!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.